

Живет в Вятке (Россия).

Гоголь

Уголь, голубь, гордый город.
Черной уткой с белой грудкой,
желтым глазом – Гоголь чуткий,
Гоголь разный...
Гоголь, горько? – Раз от раза.
Крикнуть, Гоголь, громко, в голос –
в горле ком прогорклый спрятан.
В пояс кланяюсь, и – в поезд,
как в две тысячи девятый.
Год за годом, за вагоном,
шаг за шагом – гоним, гоним.
Гладкой галькой под ногою,
голь голодной и нагою
с горя горькую глотает.
С горок парубки катают
санки, смазанные воском.
Гоголь, долго ли согреться,
разыгаться, разгореться,
разговеться с шиком, лоском?
Но стоит над голыдьбою,
над рекою голубою,
горбя спину, мост старинный.
Над судьбой, над головою –

кто-то в чем-то черном, длинном.
Только в спины бьет метелью.
Там под шпилями шинели,
благородные мундиры,
горницы, дворцы, квартиры.
Городских перегородок
тайны и перевероты,
гербы, гимны и погоны,
горизонты, гарнизоны.
Под погонями погоды
из шинели вышли готы,
хиппи, партия зеленых,
панки, эмо – словом, все мы.
...Гоголь, голубь, гот, поэма...
Нос наглее в треуголке,
кто в пролетке, кто в двуколке,
кто в крылатке и цилиндре.
Угол острый – лидер линий –
стрелка острова. Вдогонку
недалеко и до гондол.
Горным эхом, гонгом, горном,
бумерангом, Гоголь черный,
Гоголь Гофман, Гоголь, много ль?
- Нет не много до Ван Гога.
Голубь, угол, уголь, утка –
страшно, Гоголь? Гоголь, жутко?
- До смешного, слезы градом,
град горохом, снегопадом.
Гром над городом и гогот.
Над собором, над костелом,
над мечетью, синагогой –
Гоголь строгий и веселый
разговаривает с Богом.

* * *

В Запорожье проснёшься – пассажиры плацкарта спят.
Не открыты ларьки «мороженое», но уже продают виноград.
С верхней полки, за часы принимая браслет:
сколько времени? – спросят спросонья, а времени нет.

Дрогнет свет на столе и на полке, и в этот момент
виноградной иглой кольнёт ускользящий след
станционного утра – сто лет заполняя вперёд
виноградной прохладой с платформы. И поезд пойдёт.

Он пойдёт не спеша, осторожно (сто лет впереди),
виноградной иголкой покачиваясь в груди.
Медно-рыжие всхолмья откроет за окнами Крым,
ожерелье вагонов нанижет на нитку жары.

И тебя же на нитку нанижет куриным божком,
поведёт побережьем, по вогнутой нише пешком.
Проходи, где готовит Анзор ежедневный шашлык,
где тебе ювелир в серебре подарил сердолик.

В сумку брось акварель – и забудешь о ней, как всегда,
выпивая коктейль – где и воздух, и кровь, и вода –
что миндаль золотой. Розовеет мускат Карадаг.
И седой Карадаг неизменно берёт карандаш.

Коли удочку пристальных дум далеко-далеко
он закинет легко в перламутровое молоко –
на ладони уловом и дом, и Кучук-Янышар
(на вершине, над галькой шиповника ветки шуршат).

Кисть руки винограда – кисть беличьё. Акварелист
выливает на белый зернистый светящийся лист
все, что видит вокруг, сообщая бумаге морской
акварельную рябь киммерийской своей мастерской.

Проплывай Киммерию на вылет, ныряй с головой –
это цвет проливается в цвет акварелью живой.
И поэтому ты не художник, ты только стаффаж –
в Коктебельский босою стопую ступая пейзаж.

А вернёшься на север в своей центробежной строфе –
очевидное тянется время, как серый трофей.
День сбивается с ног, завершается год-фаталист.
Выжимается горькое слово на бежевый лист.

Ставишь чайник заварочный на можжевеловый срез –
колыбельные птицы : ту-туу-ту – запели не здесь.
В сердцевине июля кольнёт и заноеет – смотри:
прошивается жизнь виноградной иголкой внутри.

* * *

Ася замирает у окна.
На мгновенье.
Улыбаясь краем рта.
Внутрь.

Это утро.
Времени – на пределе.
Но всё же... одно мгновение.
День сворачивается калачиком у ног.
Прорастает ледяными папоротниками на стекле.
Превращается в жестянку кружки.
У Аси в руке.
Завтрака нет.
И, возможно, что завтра...
Вода согрета на керосинке.
Заварка на исходе, но пока...
День растворяется в кипятке колотым рафинадом.
У Аси в руке.
Ася зависает на мгновение
над крошечной квадратной
коммунальной комнатой, с кружкой в руке.
На пределе... нет, это ещё не предел
бедности и терпения.
Комната – в угловатом стиле Демидова –
художника из Вятки.
Тридцатые. Ленинград.
Комнатушка в силах вместить лишь рояль,
под которым спала Милушка.
А у Зины комната на Васильевском – ещё теснее.
Зина кашляет всё сильнее.
И надо бы навестить.
Володя учится в Институте
Инженеров водного транспорта
и работает по ночам, чтобы концы с концами.
Ася работает счетоводом на заводе «Красногвардеец».

*Проживает: Бородинская ул., д. 15, кв. 23.
Арестована будет 10 августа 1936 года,
осуждена на 10 лет тюрьмы,
отбывать наказание на Соловках.
10 октября 1937 года приговорена к высшей мере наказания.
Расстреляна в Сандармохе 4 ноября 1937.
Её муж Володя Соломин расстрелян в Ленинграде
19 декабря 1936 года,
отец – советский партийный деятель, – Иван Петрович Бакаев –
расстрелян в Москве 4 ноября 1936 года,
брат Пётр расстрелян на Колыме 4 февраля 1938 года,
брат Александр и сестра Татьяна были репрессированы.
Отец Володи – Владимир Федорович Соломин умрёт на этапе.
Мать – Мария Гавриловна Соломина
(урождённая Белозерская) умрёт от туберкулёза*

не дожив до этого ужаса.

*Сестра Володи Зина Соломина – художница, ученица Демидова,
умрёт от туберкулёза в Ленинграде, не дожив до репрессий.*

*Младшая – Мила, пианистка,
поступит в музыкальное училище,
но не выдержав тяжёлой Ленинградской жизни
вернётся в Вятку. И тем спасётся.
Будет дочерью врага народа.
У Милы родятся дети, у детей мы.*

Ася замирает у стекла.

Ася видит: морозный день за стеклом
несёт в бутоне новый год –
колесо тридцать шестого.

Ледяные папоротники прорастают сквозь Асю Бакаеву.

Там, внизу, за стеклом, колесо проходит прямо по ней.

Там, внизу, Ася пишет письмо Володе:

«здесь удивительная природа, на Соловках».

Письмо летит в пустоту.

Ася уходит.

В точке невозврата зажимивает глаза. Делает шаг.

Открывает ключом двери в тридцать шестой.

Замирает у окна, с жестянкой чая в руках,
в демидовской комнатухе.

Греет руки.

Тёплой ладонью греет округлившийся живот.

Улыбается краем рта. Внутрь.

Фото Ольги Шевниной.

Страницы автора в Сети:

[ЖЖ](#)

[Фейсбук](#)

